

Огромны архивные рассекреченные материалы о жизни людей Пермского края. Тексты этих документов трудно читать. Люди на стройках и лесозаготовках названы «спецконтингентом», «нетрудовыми элементами», подсчитана польза от их мускульной силы. Голод и смерть описаны словами «казалось бы, что вопросу о сокращении детского населения, как будущей рабочей силе районов спецсылки, следовало бы уделить особое внимание».

Трудиспользование мускульной силы

«1. Снабжение продовольствием <...> Начиная с января м-ца с. г. в связи с объявлением ударного месячника на лесозаготовках, фактически продлившегося до 1-го апреля с. г., т. е. до момента окончания лесозаготовок, по директиве Ураллеса нормы вырубki леса для переселенцев против вольных рабочих были увеличены на 50 % <...> вместе с этим выдача продовольствия производилась в полной мере только выполнившим эту норму, а так как спецпереселенцы, не обеспеченные вовсе прозодеждой и не имеющие лично таковой, не могли выполнить этих норм выработки, последним продовольствие выдавалось не полностью, с уменьшением его дневной нормы на 50 и даже 75 %.

Наступивший продовольственный кризис окончательно ослабил мускульную силу спецпереселенцев, в особенности же в дальних поселках, в связи с наступлением весны и бездорожья оторванных от какого-либо общения с ближайшими населенными пунктами, вследствие чего переселенцы этих поселков буквально голодали, употребляя в пищу: мясо павших животных, мох, березовые листья и другие листовенные суррогаты, не имея возможности приобрести продукты питания за личные средства не только потому, что леспромхоз зарплату установил по низким ставкам и не уплачивал таковую свыше 6-ти месяцев, так что переселенцы оставались постоянными его должниками. <...>;

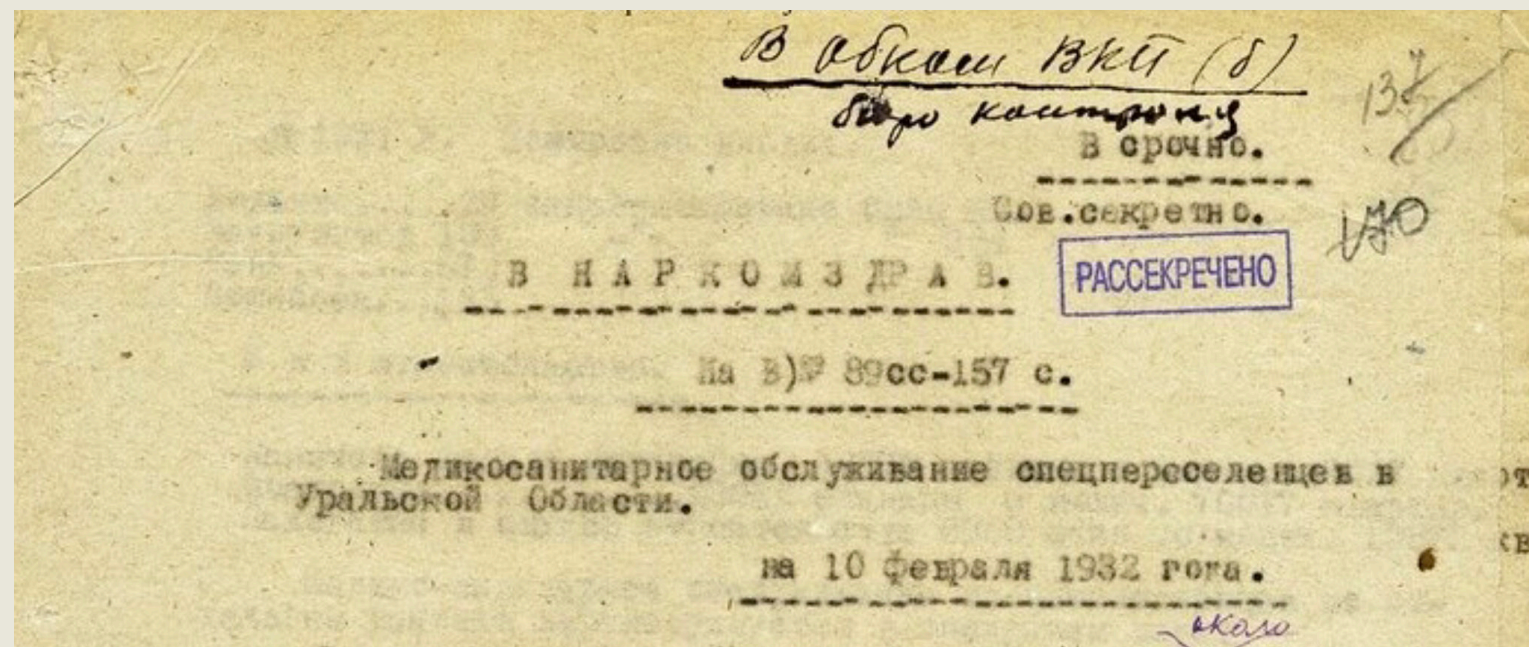
2. Трудиспользование спецпереселенцев За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнения плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-тилетнего возраста и стариков по 2—2 1/2 кубометра в день, когда как по показанию завед. продовольственными участками и других работников леспромхоза, по описанию этих лесосек средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмораживались, подвергались массовым заболеваниям, тогда как с наступлением весны на складах сельпо остались неизрасходованными в значительном количестве промтовары — телогрейки, полушубки и т. п., которые нами были обнаружены на складах а не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных жилищных условий, к концу лесозаготовок окончательно стали нетрудоспособны и в большинстве своем инвалиды.

В будущем эта рабочая сила может быть использована лишь только при условии длительного отдыха, усиленного питания и проведения ряда надлежащих профилактических мероприятий.

3. Меры взыскания для спецпереселенцев В силу указанных выше причин выполнение спецпереселенцами норм выработки было, естественно, невозможным, однако местные партийные и лесозаготовительные организации, не осознав возможности утраты в будущем мускульной силы спецпереселенцев, фактически составляющих кадры постоянной рабсилы на лесозаготовках, вместо создания для них надлежащих условий, гарантирующих хотя бы повышение производительности труда спецпереселенцев, стали на путь резких репрессий. <...>

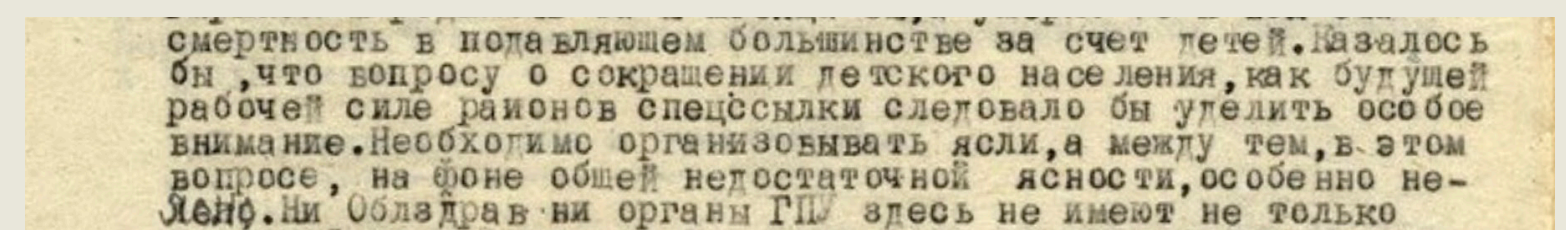
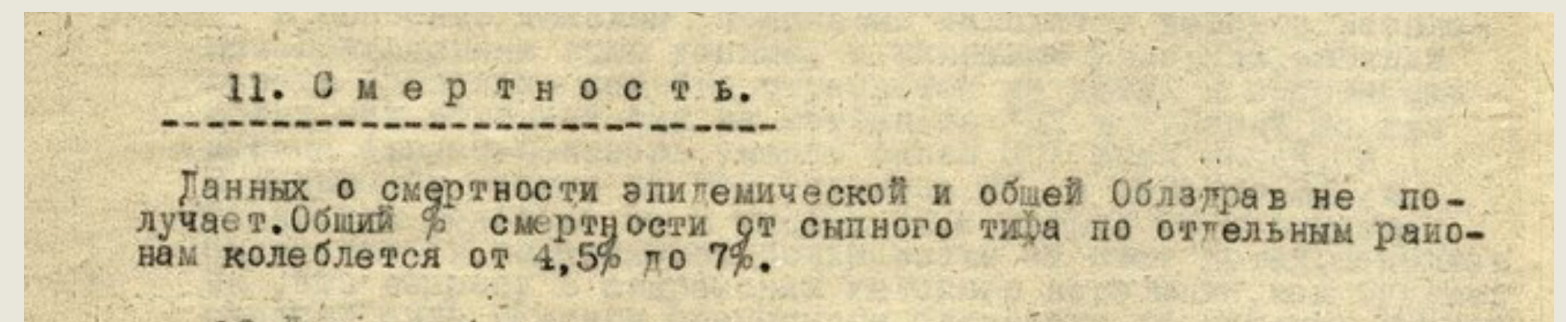
Повсеместно в каждом спецпоселке были созданы арестные помещения «каталажки», куда десятниками леспромхоза, бригадирами и комендантами беспричинно, а зачастую из личных корыстных побуждений заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в неотапленных помещениях раздетыми по несколько суток и без пищи, там же систематически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и смертным случаям».

Докладная записка. ПП ОГПУ По Уралу тов. Раппопорт от оперуполномоченного ОО ППОГПУ по Уралу Кирюхина А. С. и начальника Областного комендантского отдела Баранова Н. Д. 13 мая 1931 г. г. Свердловск. ЦДООСО, Ф. 4, Оп. 9, Д. 218, Л. 34—45. Подлинник.

«Жилища все строились наспех, из сырого леса, совершенно недостаточно утеплены. Встречаются места, где спецпереселенцы живут в землянках. Как правило, в настоящее время количество жилой площади для спецпереселенцев колеблется от 0,5 до 1,5 кв. метров. <...>

Питание, как правило, неудовлетворительное и в подавляющем большинстве носит характер индивидуальный».

Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области. Из докладной записки Уральского облздравотдела в Наркомздрав. На 10 февраля 1932 г. ЦДООСО, Ф. 4, Оп. 10, Д. 238. Л. 152 и 153.

Сопrotивление

Среди документов есть примеры, которые свидетельствуют, что крестьяне пытались отстаивать свои права. Дмитрия Михайловича Чагина, 1880 г. р., крестьянин деревни Фадино, отстаивал неправоту лишения его избирательных прав на основании использования наемного труда. Из описания понятно, что это была добровольная помощь и оплата этой помощи пойманной рыбой, которую мы сегодня воспринимаем как честные отношения. Особенно важным выглядит документ о деревенском сходе, на котором в его защиту выступили земляки, и был принят «Приговор жителей д. Фадино». В нем написано, что Д.М. Чагин «не сопротивлялся выполнения общественных постановлений, а также добровольных вкладов по разным займам», «но таковой действительно занимался рыбной ловлей и не имел своей рабочей силы, был вынужден взять со стороны потребность рабочей силы по времени этих сезонов, он им выплачивал той натурой, которую они добывали, то есть рыбой, а при своем сель/хозяйстве таковой наемной силы не имел, обрабатывая своим трудом, не эксплуатируя наемного труда, в чем даем свои подписи и подписуемся». Приговор подписали 68 человек. Кроме того, некоторые жители приложили личные заявления. Д.М. Чагин был восстановлен в избирательном праве в декабре 1930 года, но впоследствии вновь подвергся репрессии. Его выселили из дома с конфискацией всего имущества, арестовали и куда-то сослали. В родную деревню он не вернулся.

Из статьи Г.Н. Чагина, заведующего кафедрой древней и новой истории России историко-политологического факультета Пермского университета «Письма во власть крестьян Ныробского района как источник по истории репрессий во второй половине 1920-х—1930-е гг.», ГАПК. Ф. р-625. Оп. 1. Д. 29. Л. 6-7, Л. 29.

Составлено по материалам, собранным Ольгой Сафрошенко, редактора бюро музейных и социокультурных проектов «Литер-А»

Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области. Из докладной записки Уральского облздравотдела в Наркомздрав. На 10 февраля 1932 г. ЦДООСО, Ф. 4, Оп. 10, Д. 238, Л. 137—155.